

ГРИГОРИЙ ПАЛАМА «НОВЫЙ ЗЛАТОУСТ» И «НОВЫЙ БОГОСЛОВ»

Доклад посвящен любопытному аспекту посмертного почитания свт. Григория Паламы — именованию его «Новым Златоустом» и «Новым Богословом». Подобные именованья появляются вскоре после смерти святителя и засвидетельствованы в ряде дошедших до нас источников: фресках, гимнографических последованиях, письменных трудах учеников Григория. Сближение свт. Григория со свт. Иоанном Златоустом объясняется не только тем, что Григорий скончался 14 ноября, то есть на следующий день после памяти Златоуста, и тем, что ученики и почитатели Григория желали сопоставить его со свт. Иоанном. Здесь присутствует еще ряд второстепенных элементов. Именованье «Новым Богословом» вызвано стремлением сблизить свт. Григория с тремя Великими Святителями учителями Церкви: Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом, а также с тремя «Богословами» — св. апостолом Иоанном, свт. Григорием и прп. Симеоном.

Осенью 1355 г. Григорий Палама вернулся в последний раз в Фессалоники. Ему оставалось жить только 2 года. В начале 1357 г. его настигла серьезная болезнь, которая его быстро привела к кончине.

Усиление болезни и приближение смерти ощущаются в его последних гомилиях, сосредоточенных на размышлениях вокруг смерти. 1 августа 1357 г. он высказался о дьяволе и грехе как причине болезни человека. Затем, вынужденный оставаться в постели, он вспомнил о том, что настоящая смерть — не смерть телесная, но вечная смерть тела и души. Таким образом он всем возвестил о своей собственной смерти, и, по вдохновению Всевышнего, он за много дней до кончины своим друзьям открыл дату смерти: следующий день после успения Иоанна Златоуста.

Григорий, в действительности скончавшийся 14 ноября 1357 г. и похороненный в кафедральном соборе Св. Софии в Фессалониках, в скором времени стал почитаемым как святой. Его почитание проявилось в последующие годы, в частности в Фессалониках, вокруг его могилы, на Святой Горе Афон, в основном в Лавре, в Веррии, в Кастории и в Константинополе, в монастыре Христа Непостижимого, где жил в то время Филофей Коккин. Распространение этого почитания сопровождалось рождением агиографической традиции, составлением трудов в его честь (богослужебное последование и энкомий, написанные в то время Филофеем), ежегодным празднованием его памяти по случаю годовщины кончины (14 ноября) и организацией корпуса полного собрания сочинений опять же Филофеем Коккином.

В самой древней рукописи (60–70-е годы XIV в.), которая до нас дошла (Athen. EB 2008), *Последование* Филофея предваряется документом, который напоминает, помимо прочего, как служба Григория должна совершаться после службы Златоуста. Ассоциация памяти Григория Паламы и Златоуста заново встречается спустя полвека в Типиконе Симеона Фессалоникийского (Athen. EB 2047): «13 <ноября> <память> наших святых отцов Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского и Григория архиепископа Фессалоникийского, чудотворца и нового богослова».

На эту тему первое параллельное свидетельство устанавливается иконографией. Соборный Томос 1368, посвященный событиям, случившимся в период, следующий сразу за кончиной Григория Паламы, подтверждает распространение его почитания в некоторых местностях, в частности, в Кастории, которая в то время была частью владений Симеона Палеолога Уропа, сводного брата сербского короля Стефана Душана и отца Иоанна-Иоасафа, второго ктитора Метеор. Здесь, сказано в Томосе, «они построили церковь в честь него». Сам Филофей в Энкомии упоминал о том, что в городе были написаны иконы Григория, что там устраивалось празднество в его честь и что было предпринято строительство Церкви в его честь. В настоящее время в Астории не существует никакой церкви Григория Паламы, но многочисленные иконографические свидетельства подтверждают продолжение этого местного почитания в течение десятилетий, которые следовали за его кончиной, в XIV и XV вв. и в поствизантийскую эпоху. Таким образом, в диакониконе Церкви Трех Святителей, построенной в 1400 / 1401 гг. на средства Феофила Панкратия, мы находим фреску с изображениями святых Евплоса и Григория Паламы. Картина показывает Григория в епископском облачении с надписью: Ο ΑΓΙΟΣ ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗΣ ΚΑΙ ΝΕΟΣ ΧΡΥΣΟΣΤΟΜΟΣ Ο ΠΑΛΑΜΑΣ (Святой Григорий, архиепископ Фессалоникийский и новый Златоуст, Палама).

Второе свидетельство имеет происхождение на Горе Афон, но не в Лавре, как можно было бы ожидать (монастыря, в котором почитание Григория быстро получило распространение, впрочем, встречая живое сопротивление), но в Ватопедской обители. В придельном храме святых Бессребренников (Косьмы и Дамиана) в последней четверти XIV в. была выполнена фреска, изображающая Григория Паламу с Иоанном Златоустом и благословляющим Христом Эммануилом. Изображение имеет схожую с предыдущей надпись: Ο ΑΓΙΩΤΑΤΟΣ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗΣ ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ ΚΑΙ ΝΕΟΣ ΧΡΥΣΟΣΤΟΜΟΣ Ο ΘΑΥΜΑΤΟΥΡΓΟΣ (Святейший архиепископ Фессалоникийский Григорий и Новый Богослов, чудотворец). В этом случае подобает подчеркнуть, что идея, выраженная названием, присутствующим в данной надписи, усиливается изображением Григория с Иоанном Златоустом.

Обращение «новый Златоуст», присвоенное Паламе с XIV в., нельзя объяснить только на базе банального хронологического совпадения, простым фактом, что Григорий скончался 14 ноября, или желанием учеников Паламы сравнить и сопоставить их учителя почтенному Отцу Церкви. Здесь как раз присутствуют второстепенные элементы, которые частично рассказывают об ассимиляции. Итак, вернемся к словам Григория своим друзьям (тем, что до были до нас донесены агиографом Филофеем), в которых он предсказал свою неминуемую кончину. Филофей, вспомнив, что Палама тогда упомянул о том, что его кончина последует за годовщиной смерти св. Иоанна Златоуста, добавил, что «уже ранее он называл великого (т.е. Златоуста) своим ближним, другом и соратником». Коккин заключил рассказ свидетельством о том, что Златоуст ему также являлся во сне. Согласно положениям Энкомия, сам Григорий при жизни подчеркивал особую связь, которая его связывала с Иоанном Златоустом. Итак, обратится к тому, что предшествовало заключительным словам пророчества Григория Паламы.

Осенью 1342 г., немногим более года после Собора, осудившего Варлаама, и начала гражданской войны, в начале самого тяжелого периода своего существования, Григорий получил письмо от монаха Арсения Студита. Это письмо приведено в трех рукописях XIV в. и во 2-м томе полного собрания сочинений Паламы (ГПΣ) Escorial. Gr. Y. II. 15 (323), Ambros. Gr. I 24 sup (457), Paris. Gr. 1238, в которых оно предшествует ответу самого Григория.

Помимо этих двух посланий, Арсений Студит известен только лишь своей эпиграммой в честь Григория Паламы, которая вместе с эпиграммой Феокиста Студита фигурирует в одной из рукописей сочинений Григория, ранее цитируемых — Ambros. Gr. I 24 sup (457), F. 41^v, и в другой того же времени, связанной с первой — Paris. Gr. 970. F. 473^v, после написания Григорием сочинения «О божественной и обоживающей причастности» (Περὶ θεΐας καὶ θεοποιῦ μεθέξεως) и перед другим сочинением, появившимся через несколько месяцев «[О том,] что Варлаам и Акиндин поистине нечестиво и безбожно разделяют единое [Божество] на два неравных божества» (“Ὅτι Βαρλαάμ καὶ Ἀκίνδυνός εἰσιν οἱ διχотоμοῦντες κακῶς ὄντως καὶ ἀθέως εἷς δύο ἀνίσους θεότητας τὴν μίαν). Датировка этих документов, письма Арсения и ответа Григория говорят о том, что студийский монах был в общении с Паламой в 1342 г. Следует обратить внимание так же на монастырь происхождения документа и на сближение этой эпиграммы с аналогичной эпиграммой, составленной его собратом по студийскому монастырю, Феокистом, лицом, достаточно известным в связи со своими сочинениями в честь патриарха Анастасия I: жизнеописание (ВНГ 194), слово на перенесение мощей, похвальное слово, синаксарий и каноны.

В своем письме Григорию Паламе Арсений, вспомнив осуждение Варлаама и «бурю в политических делах», которая за этим последовала, просит у своего корреспондента «речь, легкую для понимания и ясную» (λόγος εὐσύνοπτος καὶ σαφής), то есть приспособленную для того, кто слаб для аргументирования, и в качестве предупредительного средства против Григория Акиндина.

Согласно Арсению, эта речь должна была вмещать изложение учения Паламы о Боге в трех Ипостасях, в связи с которым его обвинили в двубожии, так как он считал божественную энергию нетварной. В своем ответе Григорий непрерывно отсылает к Святогорскому Томосу и к Соборному Томосу 1341 г. как к официальным актам осуждения доктрин Варлаама и Акиндина. Что касается «неразберихи, существующей в политических делах», после упоминания евангельских слов, которые призывают провозвестников истины не бояться даже тогда, если они будут посланы как овцы в волчье стадо (Мф 10. 6), он подчеркивает: «мы совсем не боимся, даже если безумство какой-либо женщины направит свою силу против нас», как «священники бесчестья» (ἱερεῖς τῆς ἀισχύνης) с Иезавелью и те, которые были с Феофилом и Евдокией.

Очевидным образом Григорий здесь впервые упоминает Ирину-Евлогию Хумнену, покровительницу Григория Акиндина, используя для этого два лица: Иезавель, жену седьмого царя Израиля Ахавы (3 Цар 16. 32–33), которая поклонялась Ваалу и «убивала пророков Господних» (3 Цар 18. 13), в частности, преследуя Илию (3 Цар 19. 1–21), и Евдокию, супругу императора Аркадия. Иоанн Златоуст, вступивший в конфликт с Феофилом Александрийским из-за мер, предпринятых против священников, виновных в симонии, и из-за помощи, оказанной монахам-оригенистам, был низложен на соборе в предместье Халкидона «под дубом»

(403). К его отстранению положительно отнеслась также императрица Евдокия, которую Златоуст порицал за вмешательство в церковные дела и за испорченный нрав. В этом отрывке, написанном осенью 1342 г., Григорий с очевидностью проводит определенно выраженное отождествление: Ирина-Евлогия есть «новая Иезавель» и «новая Евдокия», но и скрытое отождествление, согласно которому его личная судьба есть повторение судьбы Иоанна Златоуста. Мы еще скоро вернемся к следствиям этих отождествлений и к их судьбе.

В сочинении, восходящем к последнему периоду гражданской войны и его опалы (1346–1347), Григорий восстанавливает новую параллель между его положением и положением Иоанна Златоуста: письменное воззвание к старой Ксении, монахине из Константинополя, под руководством которой жили дочери императора Андроника III Палеолога.

Григорий пишет по просьбе Ксении, или скорее, для поучения и пользы молодых монахинь. В прологе, после напоминания о том, что отцы монашеской традиции «совсем не пожелали что-либо писать», он упоминает его личный случай и обвинения его противников. Он продолжил следующим образом: «Я знаю, что я справедливо претерпел их упреки, не из-за того, что я писал не в соответствии с Отцами — в действительности, по милости Христовой, я следовал им в своих трудах — но потому что я написал вещи, которых я недостойн. Подобно новому Уззаху (2 Цар 6. 6–7), я пытался способствовать колеснице истины противоречивой речью. В то же время, это для меня было не приступом божественного гнева, но должным исправлением, и противникам не удалось навести его на меня. Но может быть, это случилось в силу моего недостойнства. В действительности, я не был ни достойным, ни способным, как кажется, страдать за истину и участвовать с радостью в страданиях святых. А Златоуст, который еще при жизни присоединился к собору первенцев, написанных на небесах (ср.: Евр 12. 23), и который безошибочно писал о сострадании, с ясностью и нежностью, несмотря на то, что он был велик, разве его не изгнали из Церкви и не осудили на ссылку за то, что он писал и думал о доктринах Оригена?» Свои несчастья того времени, и в особенности, отлучение от Церкви в 1344 г., Палама здесь интерпретирует на основании «модели» Иоанна Златоуста, которого тоже несправедливо осудили в 403 г.

Неявное, но красноречивое самоуподобление Григория Паламы Иоанну Златоусту снова выходит на поверхность на страницах, написанных в эти годы одним из его последователей. Иосиф Калофет — старый друг и соратник Паламы с 1330 г., находящийся на Афоне, затем, по случаю собора 1341 г., прошедший период гражданской войны в Константинополе. Он примыкал к монашеским столичным кругам, в которых мы уже встречали студитов Арсения и Феоктиста. Это объясняет именно то, почему Иосиф сочиняет второе Житие патриарха Афанасия I (ВНГ 194с) после того, как оно уже было написано Феоктистом. В трактатах против Акиндина и его учеников Калофет неоднократно нападает на Ирину Евлогию Хумнену и заимствует образ, использованный Григорием Паламой в письме Арсению Студиту. Он с ним познакомился из письма, отправленного Арсению, которого он знал, либо из разговоров с самим Григорием. В частности, в речи против патриарха Иоанна XIV Калеки (осень 1346 г.) Иосиф упоминает «тех, кто кормился от стола Иезавели, кто не принимал в расчет ни речи, ни законы, ни пророков, ни апостолов и других».

Григорий Палама (а с ним и Иосиф Калофет) употребляет эпитет «Иезавель», чтобы обозначить Ирину-Евлогию Хумнену, т. к. он основывается на агиографических материалах Златоуста. В диалоге, сочиненном Палладием для защиты Иоанна Златоуста, речь идет об акте собора, высланном императору Аркадию, в котором мы читаем, что Златоуст был обвинен в оскорблении ее величества тем, что «императрица была оскорблена ругательством, когда ее называли Иезавелью». В этих материалах повторяется противопоставление Иоанна Златоуста, или Илии, или Иоанна Крестителя — Евдокии, или Иезавели, или Саломеи. Златоуст — это Илия, преследуемый «новой Иезавелью» и ее свитой, «священниками бесчестия» (слова, взятые из письма Паламы Арсению). В отрывке, который по-разному звучит в многочисленных текстах, речь идет о событиях, предшествующих созыву Собора «под дубом»: «Евдокия, после того, как призвала Феофила и других епископов, узнала, что они все были противниками Иоанна, и утешила их всех подарками. Тогда Иоанн, ведущий себя с оттенком юношеской самоуверенности, произнес эти жесткие слова перед епископами: “Вы собираетесь передо мной, священники бесчестия, вы, которые питаетесь от стола Иезавели”. До каких пор вы будете хромать обеими ногами? Если Бог существует, то следуйте за Ним (ср.: 1 Цар 18. 21). Если сломанный стол у Иезавели есть Бог, то съешьте и извергните из себя».

Таким образом, становится ясным, что для Григория (и его ученика Калофета) Ирина Евлогия Хумнена — «новая Иезавель», то есть Евдокия, в то время как он сам «новый Богослов». Палама, в частности в годы гражданской войны, тюрьмы, цензуры и, наконец, отлучения от Церкви патриархом Иоанном Калекой (1344), хотел, в свою очередь, испытать превратности судьбы Иоанна Златоуста, несправедливо осужденного собором «под дубом». Именование «новый Златоуст», которое ему было присвоено после смерти, основывается поэтому на этой самоидентификации. Как свидетельство этой «особой связи», можно еще добавить то, что Григорий умер на следующий день после празднования годовщины кончины Златоуста. И в этом случае

мы можем видеть, что традиции, образы и идеи, связанные с жизнью и личностью Григория Паламы, при подробном анализе зависят от указаний, которые он сам и предоставляет.

В *Последовании*, написанном Филофеем Коккином после кончины Паламы, именование «новый Златоуст» отсутствует, в то время как сами личности Григория и Иоанна привязаны одна к другой не только из-за хронологического совпадения празднования их памяти. Таким же образом, отметим, что Филофей, следуя обычному порядку, использует здесь более древние гимны. Между тем, кажется показательным, что эти гимны были заимствованы из последований, посвященных св. Дмитрию, покровителю Фессалоник, Василию Кессарийскому, Григорию Назианзину, Иоанну Златоусту и Григорию Нисскому. Центральная идея, которая вдохновила Филофея на написание *Последования*, хорошо выражена в заглавии одного канона, посвященного нашему святому отцу Григорию, архиепископу Фессалоникийскому, который причисляет Паламу к величайшим святителям и богословам. Коккин приближает и приравняет Григория Паламу традиционной триаде византийских богословов, трем святителям: Василию Кессарийскому, Григорию Назианзину и Иоанну Златоусту. Почитание иерархов, инициированное ок. 1080 г. ехваитским митрополитом Иоанном Ехваитским Мавропом, кажется, в то время заново получило популярность: сам Филофей Коккин сочиняет похвальное слово в их честь (ВНГ 748); двое других людей, знакомые как с ним, так и с Паламой, — Николай Кавасила (ВНГ 748b) и Филофей, митрополит Селимврийский (ВНГ 748c) — поступают так же.

Разные пункты *Последования* Паламе, сочиненные Коккином, являются знаменательными для этой связи Григория с тремя святителями. Ограничимся двумя отрывками. «Мы свято празднуем трубы богословия, голоса Троицы, священные музы, Василия, Григория, Иоанна великого с Григорием, который вместе с ним дышит благодатью Духа». «Три высшие начала умственного рая, которые во Христе содержат вместе словами и учениями новое творение, четверица богословов. Предстательствуйте с Божией Матерью у Создателя всего, который сохранит свою Церковь от порчи ересями и от всякия немилости».

К традиционной триаде богословов и святителей добавляется также четвертый член: «Ты, о Григорий, Ты нам явился как новый Богослов, основание веры, новый золотой ручей, который словами, внушенные Богом, оросил и наполнил молитвы Церкви, и Ты возрастил в изобилии колос благочестия и знания». Понятие «новый Богослов» принимает здесь свое значение на основе уподобления Григория трем святителям, подтвержденного позднее, во время туркократии, афонскими фресками алтарей Лавры и Ставроникиты. Остается сказать, что попытки добавить четвертого святого к традиционной триаде были неоднократными, в частности в XIV в. Вспомним речь, присвоенную Михаилу Пселлу, который ставит бок о бок Григория Нисского и Григория Назианзина, Василия Великого и Иоанна Златоуста (ВНГ 2176), фрески трех святителей и Афанасия Александрийского, а особенно две иконы первой половины XIV в., одна из которых находится в музее Эрмитажа, а другая в Византийском Музее в Афинах, на которых изображены три святителя и свт. Николай.

У нас есть поздние свидетельства распространения обращения «новый Богослов» к Паламе в рукописях его трудов, но также и в уже упомянутом литургическом типиконе Симеона Фессалоникийского. В рукописи Vat. Gr. 1711, содержащей Триады и две гомилии Григория и писанной Мануилом Цикандилисом в начале 70-х годов XIV в., чья-то рука добавила спустя малое время в стороне заголовка: «Во святых отца нашего и нового богослова» (τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν καὶ νέου θεολόγου). Именование «новый богослов» фигурирует в рубриках сочинений, сохранившихся в копии III тома полного собрания сочинений Паламы, в рукописи Sinait. Gr. 1604 (476), F. 539^r, 567^r и позднее в других рукописях. «Новый» — потому что четвертый богослов наряду с тремя святителями.

По всей вероятности, обращение «новый богослов» должно было возродить другие реминисценции в монашеских кругах, а значит, другой тип уподобления. В монастыре Влатадон в Фессалониках, основанном двумя друзьями Григория, братьями Марком и Дорофеем Влатисами, сохранены два наиболее древних иконографических свидетельства о Паламе. В приделе святых Бессребренников (последняя четверть XIV в.) восседает на троне Вседержитель с четырьмя богословами, представленными в традиционном образе евангелистов: Иоанн Евангелист, «Богослов» по антономасии, Григорий Назианзин, «Богослов», Симеон Новый Богослов и Григорий Палама. Из-за текущего состояния фрески надписи не видны, но в любом случае общий смысл очевиден. Даже здесь Григорий привязан в качестве четвертого члена и «нового богослова» к старейшей триаде богословов: четверица отличная по отношению к той, которую изображает Филофей Коккин, которую можно охарактеризовать как более монашескую.

Два наименования, которыми чествовали Григория сразу после его кончины, имели, таким образом, различное происхождение. Причины первого наименования как «нового Златоуста» заключались в совпадении церковной памяти Григория и Златоуста, но это уподобление *post mortem* основывалось на своего рода «самоуподоблении», продвигаемом самим Паламой при жизни. Напротив, второе наименование было придумано его учениками, мы имеем ввиду трех святителей (Филофей) или Симеон Новый Богослов (братья

Влатис). Несмотря на различные корни, эти обращения проявляют ясный и однозначный замысел: Григорий является одним из великих отцов и учителей Церкви.

Идея находит выражение у Филофея Коккина в Соборном Томосе 1368 г., когда тот пишет: «Я его считаю святым, ничем не ниже великих учителей Церкви и Богоносных Отцов». Образным языком, но тем не менее очень эффектно, это намерение четко указано в одном рассказе, который в Энкомионе следует за серией чудес, сотворенных Паламой после кончины (для которых Филофей использует материалы, собранные в Фессалониках) и которые представляют собой свидетельство, добавленное самим Коккином. Один монах Лавры, который вел анахоретский образ жизни, однажды ночью увидел следующее видение: «Я был в Константинополе, в храме Св. Софии (до этого я никогда еще там не был) и видел собор святых отцов внутри храма: Афанасий Великий, Василий, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст, Григорий Нисский и весь собор святых богословов». Монах услышал, как они утверждали твердым голосом: «Нам не представляется возможным принять решение и перейти к голосованию, если архиепископ Фессалоникийский Григорий отсутствует на собрании и на голосовании». По своем прибытии Палама был принят с большой радостью и честью, и его посадили рядом с «триадой богословов», так как Григорий был равным им богословом и поборол новые ереси. Палама, снова уподобленный трем святителям, входит в состав собрания Отцов, которое празднует Торжество Православия над старыми и новыми заблуждениями.

GREGORY PALAMAS AS A 'NEW CHRYSOSTOM' AND 'NEW THEOLOGIAN'

A. RIGO

This paper is devoted to an interesting aspect of posthumous veneration of St Gregory Palamas, namely his appellation as 'New Chrysostom' and 'New Theologian'. Such appellations began to appear soon after the hierarch's death, and are attested in a number of extant sources, that is in frescoes, hymnography, and writings of St Gregory's disciples. It is not only the fact that Gregory passed away next day after the memory of St John Chrysostom that explains St Gregory's likening to Chrysostom, but also the fact that St Gregory's disciples and admirers wished to compare him with St John. There are also several minor elements. The reason for his appellation as 'New Theologian' is a desire to bring together St Gregory and the three Great Doctors of the Church: St Basil the Great, St Gregory the Theologian and St John Chrysostom, as well as the three 'Theologians': St John the Apostle, St Gregory and St Symeon.